

Литрес ≡ Классика

Генри Райдер Хаггард

ДИТЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Генри Райдер Хаггард
Дитя из слоновой кости

«ЛитРес»

1916

Хаггард Г.

Дитя из слоновой кости / Г. Хаггард — «ЛитРес», 1916

Аллан Квотермейн соглашается помочь молодому лорду Рэгнолу, чью невесту похитили таинственные африканские сектанты. В погоне за ней герои попадают в затерянное царство Белого Слона, которым правит могущественная жрица – таинственное «Дитя из слоновой кости». Там им предстоит столкнуться с гигантскими слонами, древними культами и пророчествами, от которых зависит судьба целого народа.

© Хаггард Г., 1916

© ЛитРес, 1916

Содержание

I. Аллан дает урок стрельбы	6
II. Аллан держит пари	11
III. Мисс Холмс	16
IV. Харут и Марут	19
V. Неудавшееся похищение	23
VI. Золотопромышленная компания «Доброго доверия»	27
VII. Рассказ лорда Рэгнолла	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Генри Райдер Хаггард Дитя из слоновой кости

The Ivory Child, 1916

Перевод (без указания переводчика): Журнал приключений. М.: Изд. Товарищества И. Д. Сытина, 1916.

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

I. Аллан дает урок стрельбы

Я хочу рассказать об одном из самых необыкновенных приключений своей жизни, которую вряд ли можно назвать однообразной.

Началось оно с того момента, когда я приехал в Англию с молодым джентльменом по имени Скруп, отчасти для того, чтобы проводить его домой после одного случая на охоте, отчасти по другим делам.

Я жил некоторое время у Скрупа, или, вернее, у родных его невесты в красивом доме в Эссексе.

Во время своего пребывания в этих краях я имел возможность увидеть великолепный старинный замок с башенными воротами, искусно реставрированный и превращенный в современный жилой дом. Будем называть этот замок «Рэгнолл-Кэстлом» по имени его владельца.

Я много слышал о лорде Рэгнолле. Говорили, что он удивительно красив, обладает большими научными познаниями, хороший спортсмен – был капитаном в оксфордских лодочных гонках, – блестящий оратор, уже отмеченный в палате лордов, смелый охотник, на счету у которого много тигров и других крупных зверей в Индии, поэт, издавший под псевдонимом том своих стихотворений, имевших значительный успех, хороший офицер и, кроме того, обла-

датель колоссального состояния; сверх огромных поместий он владел несколькими каменно-угольными копями и целым городом на севере Англии.

– Господи! – воскликнул я, когда этот длинный перечень был наконец окончен, – должно быть, этот человек родился в рубашке. Но, по всей вероятности, он несчастлив в любви?

– В этом-то он счастливее всего, – ответила мисс Маннерс, невеста Скрупа, с которой я разговаривал, – мне говорили, что он помолвлен с самой милой, красивой и умной девушкой во всей Англии и что они обожают друг друга.

– Господи! – повторил я, – удивительно, почему судьба так щедра по отношению к лорду Рэгноллу и его возлюбленной?

Впоследствии мне суждено было узнать это...

Когда на следующее утро мне предложили отправиться посмотреть редкости Рэгнолл-Кэстла, я охотно согласился.

Однако мне интереснее всего было взглянуть, если представится случай, на самого лорда Рэгнолла, так как все перечисленные его достоинства произвели на меня, бедного колониста, весьма сильное впечатление.

Часто сталкиваясь в жизни с демонами в человеческом образе, я никогда не встречал людей-ангелов, по крайней мере, мужского пола.

Кроме того, мог представиться случай увидеть и невесту лорда, которую, как я узнал, звали мисс Холмс.

Итак, ничто не могло доставить мне большего удовольствия, чем посещение этого замка.

Был уже декабрь; стояла тихая морозная погода.

По приезде в Рэгнолл-Кэстл Скрупу сообщили, что лорд Рэгнолл (с которым он был хорошо знаком) занимается стрельбой где-то в парке, но что м-р Скруп может показать своему другу замок.

Мы вошли втроем, так как с нами была мисс Маннерс, которая привезла нас в своей коляске, запряженной пони. Привратник передал нас у главного входа мужчине, которого он назвал м-р Сэвэдж, шепнув мне, что это личный слуга его светлости.

Это имя совершенно не соответствовало его внешности. Он показался мне переодетым герцогом, поскольку я именно так представлял себе герцогов, никогда не видев ни одного в своей жизни.

Его черный утренний фрак был безукоризненным, манеры изысканны, учтивость граничила с иронией с оттенком скрытой надменности. Он был красив – лицо с тонким носом и смелыми ястребиными глазами. Лет ему было, вероятно, тридцать пять – сорок, и манера, с которой он отобрал у меня палку и шляпу, обнаруживала решительный характер. По всей вероятности, он считал меня способным повредить палкой картину и другие произведения искусства, находившиеся в замке.

Впоследствии м-р Сэмуэл Сэвэдж признался мне, что я не ошибся в своем предположении. Судя по внешности, он принял меня за «ханархиста», о которых читал в газетах.

Этот человек, столь безукоризненный в других отношениях, удивительно коверкал некоторые слова.

Показывая нам картины, он говорил о них языком хорошего художественного критика, но вдруг так коверкал какое-нибудь слово, что неожиданно возникало ощущение, как от ушата холодной воды, опрокинутого на голову.

Он водил нас по парадным комнатам замка, показывая множество редких дорогих вещей и, по крайней мере, сотни две картин известных старых мастеров.

При этом ему представился случай обнаружить свое особенное, вернее, превратное понимание истории. Сказать правду, мне вскоре надоело выслушивать бесконечные комментарии, тем более, что в парадных комнатах было очень холодно.

По пути из большой галлерей в малую мы проходили через небольшую комнату, довольно уютную и хорошо натопленную.

То была студия лорда Рэгнолла.

Задержавшись на минуту у огня, я заметил на стене картину, закрытую полотном, и спросил Сэвэджа, что она изображает.

– Это, сэр, – ответил он с гордой скромностью, – портрет будущей супруги его светлости; портрет, так сказать, только для глаз его светлости.

Мисс Маннерс сдержала улыбку, а у меня мелькнула мысль, что прятать портрет таким образом – определенно, какая-то примета.

Потом, увидев в открытую дверь переднюю, где осталась моя шляпа и палка, я замедлил шаги и, когда мои спутники скрылись в галерее, забрал свои пожитки и вышел в парк, рассчитывая согреться ходьбой взад и вперед по террасе до возвращения Скрупа и его невесты.

Я слышал несколько выстрелов, доносившихся из небольшой дубовой рощи, ярдах в пятистах от меня. Стреляли, очевидно, из небольшого ружья.

Стрельба – моя профессия: я не мог сдержать своего любопытства и направился к роще окружным путем через кустарник. Скоро я очутился у одного конца полянки и из-за огромного старого вяза увидел неподалеку от себя двух мужчин.

Один из них был молодой егерь, заряжавший запасное ружье, в другом я сразу узнал лорда Рэгнолла. Это был действительно очень красивый, широкоплечий мужчина высокого роста, с острой бородкой, приветливым лицом и большими темными глазами. На его плечи был накинут плащ, и во всем, за исключением ружья в руках, он походил на одного из своих предков времен Карла III, портрет которого, написанный Ван-Дейком, я видел в большой галлерее замка.

Стоя за дубом, я видел, как он тщетно пытался подстрелить одного из лесных голубей, спускавшихся за желудями.

Когда, перед тем как сесть на землю, они задерживались в воздухе, охотник стрелял, и голуби улетали.

Трах! Трах! – снова раздался два выстрела из двуствольного ружья. Голубь улетел цел и невредим.

– Черт возьми! – весело воскликнул охотник, – ведь это двенадцатый промах, Чарльз!

– Ваша светлость попали в хвост. Я видел, как полетело перо. Но разве может кто-нибудь, да еще при ветре, попасть в голубя пулей, даже когда тот собирается сесть на землю?

– Я слышал об одном таком человеке, Чарльз. У м-ра Скрупа гостит его друг из Африки, который из шести раз попадает четыре.

– В таком случае, друг м-ра Скрупа – лжец, – возразил Чарльз, подавая новое ружье.

Это было слишком. Я выступил вперед, вежливо приподнял шляпу и сказал:

– Извините, сэр, что я прерываю вас, но вы совершенно неправильно стреляете по голубям. То, что они как бы задерживаются в воздухе, – только кажется нам. В действительности они очень быстро опускаются на землю. Ваш егерь ошибается, утверждая, что вы попали в хвост последней птицы, в которую стреляли из обоих стволов. В том и в другом случае ваша пуля пролетела, по крайней мере, на фут выше цели, и упал дубовый лист, а не перо голубя.

На минуту воцарилось молчание. Лорд Рэгнолл, вначале сердито посмотревший на меня, улыбнулся и сказал:

– Сэр, благодарю вас за совет, который весьма полезен, так как я все время делал промахи, стреляя по голубям из этих маленьких ружей. Но, быть может, вы сами на практике покажете, как это делается, что, без сомнения, еще более увеличит цену вашего совета.

Это было сказано не без легкой иронии.

– Дайте мне ружье, – сказал я, снимая пальто.

Лорд Рэгнолл с поклоном передал мне свою двустволку.

Чарльз презрительно фыркнул.

Я смерил его глазами, но он продолжал дерзко смотреть на меня. Никогда в жизни меня так не раздражала лакейская наглость.

Вдруг сомнение охватило меня. А вдруг я промахнусь? Ведь это легко может случиться, так как я плохо знаю полет английских лесных голубей. Как тогда снести лакейское презрение Чарльза и учтивую насмешливость его знатного хозяина?

Я молил Бога, чтобы голуби больше не прилетали, но напрасно. Вскоре они снова начали слетаться в поисках лакомых желудей.

Я услышал, как Чарльз пробормотал:

– Ну вот, теперь этому учителю представляется случай показать свое искусство. Его светлость – лучший стрелок в наших краях!

Пока он говорил, появилось два голубя, летевших один за другим. Первый из них начал снижаться ярдах в пятидесяти от меня, второй приблизительно в семидесяти. Я выбрал первого, тщательно прицелился и выстрелил. Пуля попала ему в зоб, откуда дождем посыпались съеденные им желуды, и птица камнем упала на землю. Второй голубь, почуяв опасность, начал быстро подниматься вверх почти вертикально. Я выстрелил – пуля пробила ему голову. Потом я взял из рук Чарльза заряженное им второе ружье и снова увидел двух приближавшихся голубей. Я рискнул сделать трудный выстрел и на лету попал одному из них в хвост. Однако он быстро спустился и забился на земле. Прицелившись во второго, я нажал гашетку – курок щелкнул, но выстрела не последовало. Тут мне представился случай проучить Чарльза.

– Молодой человек, – сказал я в то время, как он, разинув рот, смотрел на меня, – вам следует научиться внимательнее обращаться с оружием. Если вы подали стрелку незаряженное ружье, вы способны сделать и более опасную оплошность.

Потом повернувшись к лорду Рэгноллу, я прибавил:

– Я должен просить извинения за свой третий выстрел, который осрамил меня, так как я сделал ошибку, от которой предостерегал вас. Однако этот выстрел может показать вашему слуге разницу между голубиным хвостом и листом дуба.

Перья бедной птицы все еще кружились в воздухе.

– Это сам черт! – пробормотал Чарльз.

Но его хозяин строго взглянул на него и, приподняв шляпу, обратился ко мне.

– Сэр! Ваша практика далеко превосходит теорию. Я поздравляю вас с вашим удивительным мастерством, почти граничащим с чудом, если только это не случайность...

Тут он запнулся.

– Вполне естественно, что вы так думаете, – ответил я, – но если мы подождем еще голубей и м-р Чарльз будет аккуратно заряжать ружья, я надеюсь переубедить вас.

Однако последовавший в этот момент громкий возглас Скрупа, искавшего меня, разогнал всех голубей, по крайней мере, на полмили. Впрочем, об этом я не очень сожалел.

– Я должен пожелать вам доброго утра, – сказал я. – Меня зовут мои друзья.

– Одну минуту, – воскликнул охотник, – могу я просить вас назвать свое имя? Меня зовут Рэгнолл – лорд Рэгнолл.

– А меня Аллан Кватермэн, – сказал я.

– О, – воскликнул лорд Рэгнолл, – это все объясняет. Чарльз! Этот джентльмен – друг м-ра Скрупа. Вы позволили себе сказать, что он... преувеличивает. Вам следует извиниться.

Но Чарльза уже и след простыл.

В это время показались Скуп и его невеста, слышавшие наши голоса.

Последовало объяснение.

– М-р Кватермэн показывал мне, как надо стрелять по лесным голубям из малокалиберных ружей, – сказал лорд Рэгнолл.

– О, он весьма компетентен в этом, – заметил Скуп.

– Это единственное, что я умею делать, – скромно возразил я, – но, без сомнения, его светлость гораздо искуснее меня в стрельбе из дробовых ружей, в которой я очень мало практиковался.

– Да, – сказал Скруп, – я не советую вам состязаться с ним, так как лорд – один из лучших стрелков Англии.

– Вы преувеличиваете, – смеясь, заметил лорд Рэгнолл, – но знаете, у меня появилась идея. Завтра мы собираемся устроить большую охоту в роще, где до сих пор никто не охотился. Быть может, м-р Кватермэн не откажется присоединиться к нам?

– К сожалению, это невозможно, – ответил я, – так как у меня нет с собой ружья.

– Это ничего не значит; у меня есть пара лишних централок, и я прошу вас располагать ими.

Делать было нечего – оставалось принять приглашение.

– Очень жаль, м-р Скруп, – продолжал лорд Рэгнолл, – что я не могу пригласить вас, так как в охоте может участвовать только семь стрелков. Но, быть может, вы и мисс Маннерс не откажетесь завтра пообедать и провести день в Рэгнолле. Я познакомлю вас с моей будущей женой, – прибавил он, слегка покраснев.

Мисс Маннерс, снедаемая любопытством, сразу приняла приглашение, прежде чем ее жених успел открыть рот.

Скруп предложил заряжать мне во время охоты ружья, что весьма обрадовало меня, так как я боялся какого-нибудь подвоха со стороны Чарльза.

На обратном пути из замка мы заехали в оружейную лавку заказать патронов. Хозяин спросил, сколько мне их нужно, и получив ответ «сто», посмотрел на меня с удивлением.

– Насколько я понимаю, сэр, – сказал он, – вы принимаете участие в завтрашней охоте в Рэгнолле. По-моему, вам, по крайней мере надо в три раза больше патронов.

– Хорошо, – ответил я, опасаясь обнаружить свое незнание местных условий охоты, – приготовьте мне их пораньше и добавьте на три драхмы пороху.

– Да, сэр, и унцией с восьмой дроби Э5?

– Нет, – возразил я, – возьмите Э3. До свидания.

Оружейник снова с удивлением посмотрел на меня, и, уходя, я слышал, как он сказал своему помощнику:

– Этот африканец, вероятно, собирается стрелять страусов!

II. Аллан держит пари

На следующее утро мы со Скрупом в десятом часу прибыли в Рэгнолл, захватив по пути заказанные накануне патроны, за которые мне пришлось заплатить порядочную сумму.

– Однако, – подумал я, – урок стрельбы фазанов обойдется мне в копейку...

Когда мы вышли из коляски, к нам подошла какая-то величественная особа в бархатной куртке и красном жилете в сопровождении Чарльза, несшего два ружья.

– Это главный егерь, – шепнул мне Скруп.

– Если не ошибаюсь – м-р Кватермэн? – спросил важный егерь, холодно и неодобрительно оглядев меня.

– Да, это я.

– Его светлость поручил мне передать вам эти ружья. Чарльз будет помогать вам во время охоты и носить за вами оружие и патроны.

Я взял одну из централок и осмотрел ее. Это было великолепное дорогое оружие.

В это время из-за угла здания показался сам лорд Рэгнолл. После взаимных приветствий он проводил нас в обширную залу, где собрались остальные участники охоты. То были известные стрелки, большинство которых я знал по охотничьим журналам.

К моему изумлению, среди них оказался мой, можно сказать, старый знакомый.

Это неприятное хитрое лицо, маленькие бегающие глаза и острый красноватый нос не могли принадлежать никому иному, кроме ван-Купа, некогда прославившемуся в Южной Африке крупными аферами, из-за которых и я потерял двести пятьдесят фунтов стерлингов – сумму, довольно значительную для меня.

Ван-Куп обернулся и, увидев меня, воскликнул:

– Кого я вижу! Аллан Кватермэн!

Тон его восклицания привлек внимание лорда Рэгнолла, стоявшего рядом.

– Да, м-р ван-Куп, – ответил я, – вы не ошиблись. Я так же рад видеть вас, как и вы меня.

– Я думаю, что это недоразумение, – сказал лорд Рэгнолл, удивленно глядя на нас. – Это сэр Юниус Фортескью.

– Я, право, не могу вспомнить, – возразил я, – чтобы его так звали. Но во всяком случае, мы старые знакомые.

Лорд Рэгнолл отошел в сторону, словно не желая продолжать этот разговор.

Ван-Куп вплотную подошел ко мне.

– М-р Кватермэн, – тихо сказал он, – обстоятельства сильно изменились с тех пор, как мы встречались с вами в последний раз.

– Ваши, вероятно, да, – возразил я, – но у меня все осталось по-старому, и я буду вам очень обязан, если вы оплатите мне двести пятьдесят фунтов, которые вы мне должны.

На минуту он задумался.

– Вот что я вам предложу, – сказал он немного погодя, – вы всегда были спортсменом. Если я сегодня убью больше вас дичи, вы должны держать язык за зубами относительно моих африканских дел. Если же вы убьете больше меня, вы также должны будете молчать, но я уплачу вам ваши двести пятьдесят фунтов с процентами за шесть лет.

Конечно, я мог отказаться от этого предложения и вывести ван-Купа на чистую воду. Но вышел бы скандал, а это не входило в мои расчеты и все равно не вернуло бы мне денег.

– Я согласен, – сказал я.

– Что это за пари, сэр Юниус? – спросил лорд Рэгнолл, снова подходя к нам.

– Это длинная история, – поспешно ответил ван-Куп. – М-р Кватермэн полагает, что я остался ему должен пять фунтов, и мы согласились предоставить разрешение этого вопроса результату сегодняшней охоты.

– Хорошо, – сказал лорд Рэгнолл, очевидно, не совсем веря сказанному. – Раз дело касается денег, я поставлю кого-нибудь считать убитых птиц и сообщать мне об их числе.

– Согласен, – сказал ван-Куп, или сэр Юниус.

Я молчал: признаться, я стыдился всей этой истории.

На пути в рощу, расположенную всего в миле от замка, мы с лордом Рэгноллом случайно остались вдвоем.

– Вы встречались с сэром Юниусом? – пытливо спросил он меня.

– Да, – ответил я, – около двенадцати лет тому назад, перед тем, как он исчез из Южной Африки, где был известен, как удачливый... спекулянт.

– Десять лет тому назад он купил имение по соседству со мной, а позже сделался бароном.

– Как же человек, подобный ван-Купу, мог получить такой титул? – изумился я.

– Купил.

– Разве в Англии титулы продаются?

– Вы удивительно наивный человек, м-р Кватермэн. Ваш друг...

– Извините меня, ваша светлость, – перебил я, – я маленький человек и потому не могу назвать сэра Юниуса, бывшего ван-Купа, своим другом.

– Мне самому несимпатичен этот человек, – улыбаясь, сказал мой собеседник, – но он великолепный стрелок, хотя я уверен, что вы вернете свои пять фунтов.

– У меня мало шансов, так как мне никогда не приходилось стрелять фазанов, – возразил я.

– Теперь, м-р Кватермэн, мой черед дать вам маленький совет. Заметьте, что фазаны летают гораздо медленнее, чем нам кажется... Но мы уже пришли на место. Чарльз покажет вам, где надо встать. Желаю успеха.

Через десять минут охотники стояли на местах. Я был так поглощен новым для меня зрелищем приготовлений к охоте, что пропустил зайца и фазанью курочку, доставшихся ван-Купу, стоявшему через два ружья справа от меня.

Тем временем раздался возглас егеря, предупреждавшего о летящей птице.

– Стреляйте, – сказал Скруп, – это кулик.

В эту минуту я увидел очень близко от себя птицу. Я прицелился и выстрелил – от птицы осталось только облако перьев. При громком хохоте окружающих Чарльз подобрал голову моей добычи.

– Вам следует дать птице отлететь подальше от вас с вашей дробью Э 3, – заметил Скруп.

Этот случай так подействовал на меня, что я сделал подряд три промаха, в то время как ван-Купу удалось застрелить еще пару фазанов.

Скруп качал головой, а Чарльз даже тяжело вздохнул. Теперь, видя, что я не состязаюсь с его господином, он был всецело на моей стороне. История нашего пари каким-то образом получила широкую огласку, и судя по всему мой противник не пользовался симпатией среди егерей.

– Внимание, – сказал Скруп, указывая на приближающегося фазана.

Птица летела слишком высоко. Раздалось три выстрела, в том числе и ван-Купа, но ни один не задел фазана. Я выстрелил, припомнив совет лорда Рэгнолла. Птица изменила направление своего полета и вдруг камнем упала на землю ярдах в пятидесяти от меня.

– Это будет лучше! – воскликнул Скруп.

Удачный выстрел вернул мне уверенность, и я застрелил еще пару фазанов.

Но ван-Куп, который был великолепным стрелком, не отставал от меня.

Лорд Рэгнолл, стоявший по соседству со мной, предложил стать с ним несколько позади остальных охотников.

– Я вижу, что вы лучше стреляете по высоко летящим птицам, – сказал он.

Мы встали между двумя рошицами ярдах в трехстах от прежнего места. Здесь дело пошло значительно лучше.

Однако когда мы спустя час с небольшим собрались завтракать в лесной сторожке, оказалось, что я убил на тридцать фазанов меньше своего противника.

Пока мы завтракали, погода резко изменилась. Небо заволокло тучами, подул сильный ветер.

Охота должна была продолжиться на новом месте, в рошице около озера. Лорд Рэгнолл решил отказаться от дальнейшего участия в ней и стал во время стрельбы за мной и ван-Купом, считая, что и шести стрелков будет много при изменившейся погоде.

– Выпейте стакан черри-брэнди¹, – посоветовал он мне, – это подкрепит вас.

Я последовал его совету, и мы вышли. Роша, где мы собирались стрелять и куда перелетели спугнутые нами утром фазаны, находилась примерно в миле от сторожки. Она имела вид подковы, окаймлявшей один край небольшого озера ярдов в пятьдесят шириной. Четыре стрелка были расставлены вдаль ближайшей стороны озера, а нам с ван-Купом достались места на противоположной высокой стороне, где мы были на виду у всех. К своему ужасу, неподалеку я увидел целую толпу зрителей, в числе которых узнал и оружейника, набивавшего мне патроны.

По пути к лодке, которая должна была перевезти нас через озеро, произошел случай, который привел меня в хорошее настроение и вызвал шумные аплодисменты остальных.

– Куропатки! – вдруг провозгласил «красный жилет», шедший впереди нас.

Чарльз быстро подал мне заряженное ружье. Через мгновение над деревьями показались птицы, с трудом летевшие против сильного ветра. Я выстрелил в первую – она упала к моим ногам. Со следующим выстрелом вторая последовала за ней. Я схватил запасное ружье и убил третью, пролетевшую почти над самой моей головой. Четвертый выстрел настиг последнюю.

Четыре куропатки были подобраны среди всеобщих поздравлений.

Садясь в лодку, я заметил у Чарльза под мышкой кроме сумки, еще ящик с патронами. На мой вопрос – откуда это, Чарльз ответил, что м-р Пофэм (оружейник) принес их про запас. Я ничего не возразил, так как из моих трехсот пятидесяти патронов за утро была уже расстреляна добрая половина.

Пока мы занимали свои места, ветер еще более усилился. Со стоном качались огромные дубы; недалеко от меня сломанная сосна с плеском упала в воду. Несмотря на это, охота началась. Сперва ветер дул нам в спину, гоня множество фазанов, диких уток и другую дичь над самыми нашими головами. Но вскоре он изменил направление и подул к северу с яростью, усиливавшейся с каждым мгновением.

Однако фазаны продолжали свой перелет. В течение часа с небольшим шла самая частая стрельба.

Егеря едва успевали заряжать ружья. Потом птицы стали появляться вблизи все реже и реже. Приходилось большей частью стрелять издали. Но чем дальше, тем я стрелял все лучше и лучше. Один за другим падали фазаны то в озеро, то в отдаленные кусты. Стволы ружей так нагрелись, что к ним нельзя было притронуться.

Дела ван-Купа также шли хорошо, но на долю остальных охотников приходилось очень мало птиц, и бедняги вынуждены были довольствоваться ролью зрителей.

К концу охоты я так пристрелялся, что последними тридцатью пятью выстрелами убил тридцать фазанов.

Заключительный выстрел затмил все предыдущие.

Высоко и несколько в стороне пролетал фазан, казавшийся черной точкой на темном небе.

¹ Вишневая водка.

– Не стоит, слишком высоко, – сказал лорд Рэгнолл, видя, что я поднимаю ружье. Но я все-таки выстрелил; фазан перевернулся, полетел вниз и упал в озеро далеко от нас.

Выстрел был так удачен, что все присутствующие издали одобрительный крик. Даже величественный «красный жилет» что-то одобрительно проворчал. Лорд Рэгнолл приказал тщательно собрать убитую дичь и положить добычу ван-Купа отдельно от моей.

– За вторую стоянку вы убили 143 штуки, – сказал он, – это совпадает с подсчетом Чарльза.

Когда я переехал на другую сторону озера, остальные охотники встретили меня самыми горячими поздравлениями. Из-за непогоды было невозможно дальше охотиться, и мы отправились в замок пить чай.

Едва я опорожнил чашку, как лорд Рэгнолл пригласил меня посмотреть убитую дичь. Мы вышли. На чуть покрытой снегом траве правильными рядами лежали убитые птицы.

– Дженкинс, – обратился лорд Рэгнолл к «красному жилету», – сколько дичи на счету у сэра Юниуса Фортеस्कью?

– Двести семьдесят семь фазанов, ваша светлость, двенадцать зайцев, две курочки и три голубя.

– А у м-ра Кватермэна?

– Двести семьдесят семь фазанов, – столько же, сколько и у сэра Юниуса, ваша светлость, пятнадцать зайцев, три голубя, четыре куропатки, одна утка и один клюв, должно быть, кулика.

– Тогда вас можно поздравить с выигрышем, м-р Кватермэн, – сказал лорд Рэгнолл.

– Позвольте, – вмешался ван-Куп, – пари касалось только фазанов. Другая дичь не в счет!

– Вы говорили о птицах, – заметил я, – Впрочем, если... – В этот момент все обернулись. Во двор, запыхавшись, вбежал Чарльз в сопровождении мужчины с собакой. В руках Чарльза был мертвый фазан без хвоста.

– Мы еле нашли его, ваша светлость, – начал Чарльз, тяжело дыша, – он упал в тину... Это тот, которого м-р Кватермэн убил последним. Мы с Томом вытащили его палкой.

– Тогда вопрос явно решен в пользу м-ра Кватермэна, – сказал лорд Рэгнолл. – Сэр Юниус, вам следует уплатить свой долг.

– Я протестую, – злобно воскликнул ван-Куп. – Дело идет о сумме, большей чем пять фунтов. Почему я знаю, что этот фазан убит м-ром Кватермэном?

– Мои люди подтверждают это, сэр Юниус. Впрочем, какой дробью вы пользовались сегодня?

– Номер четыре.

– М-р Кватермэн пользовался номером три. Кто еще, господа, употреблял сегодня такую дробь? – Все отрицательно покачали головами.

– Дженкинс, вскройте голову птице, – приказал лорд Рэгнолл.

Дженкинс ловко выковырял перочинным ножиком из головы фазана дробинку.

– Номер три, ваша светлость, – сказал он.

– Сэр Юниус, – твердо произнес лорд Рэгнолл, – вы должны уплатить свой долг.

– У меня нет с собой денег, – мрачно возразил ван-Куп.

– У нас с вами один и тот же банкир, – сказал лорд Рэгнолл, – и вы можете выписать чек на требуемую сумму из моей книжки. Но здесь холодно. Пойдемте, господа, в дом.

Мы направились в курительную комнату, куда лорд Рэгнолл принес чековую книжку и подал ее ван-Купу.

– Сколько же я вам должен с процентами? – спросил тот меня.

– Прошло двенадцать лет, – сказал я, – но мне не надо процентов. Я удовлетворюсь первоначальной суммой долга.

Ван-Куи выписал чек на двести пятьдесят фунтов и бросил его на стол передо мной. Я взял чек в руки... Вдруг у меня мелькнула мысль, что я не должен воспользоваться этими деньгами.

– Лорд Рэгнолл, – сказал я, – этот долг я давно считал потерянным и не хочу оставлять у себя эти деньги. Позвольте передать вам чек на дела благотворительности.

– Что вы скажете, сэр Юниус, об этой щедрости м-ра Кватермэна? – воскликнул лорд Рэгнолл, увидев, что чек был не на пять, а на двести пятьдесят фунтов.²

Ответа не последовало, так как ван-Куп поспешил уйти. С тех нор мы никогда более не встречались.

Примерно через год я получил извещение, что на мое пожертвование в одном из соответствующих учреждений устроено место имени Аллана Кватермэна для больных детей.

Заметив исчезновение ван-Купа, лорд Рэгнолл ничего не сказал, но подошел ко мне и крепко пожал мою руку. С этого момента началась наша долголетняя дружба.

Мне остается добавить, что хотя я и получил много удовольствия от стрельбы, однако рад был, что в последующие дни охота не возобновлялась, так как нашел, что это развлечение было мне не по карману. Вот выписка из моей памятной книжки:

Патроны, включая отданные Чарльзу... 4 фун. – шил.

Разрешение на охоту... 3 фун. – шил.

«Красному жилету» «на водку»... 2 фун. – шил.

Чарльзу «на водку»... «10 фун. – шил.

Человеку, который помог найти Чарльзу последнего фазана... 5 фун. – шил.

Егерю, собиравшему дичь... 10 фун. – шил.

Итого... 10 фун. 5 шил.³

Да, охота на фазанов в Англии – развлечение, доступное только богатым!

² Около двух с половиной тысяч рублей.

³ Около ста рублей.

III. Мисс Холмс

Следующие два с половиной часа я отдыхал, лежа в отведенной мне комнате, так как частая пальба и шум ветра вызвали у меня небольшую головную боль. Потом появился Скруп и предложил мне присоединиться к остальному обществу. Мы спустились вниз и вошли в роскошно обставленную гостиную, где собралось около тридцати человек – соседи лорда Рэгнолла, приглашенные к обеду.

Мисс Маннерс таинственно сообщила Скрупу, что «она» уже здесь.

В это время безукоризненный м-р Сэвэдж провозгласил, широко распахнув двери:

– Леди Лонгдэн, мисс Холмс!

Все обернулись к дверям, в которых показалась пожилая леди в сопровождении молодой девушки лет двадцати двух. Последняя была не очень высока ростом, весьма изящна и грациозна, как лань. Темно-каштановые волосы, тонкие черты лица, ярко-красные губы и большие темные глаза указывали скорее на испанское или итальянское, нежели на англо-саксонское происхождение. Одета она была в светлое открытое платье и, кроме нитки жемчуга и красной камеи, на ней не было никаких других украшений. Мне бросилось в глаза странное белое пятно на ее груди в виде полумесяца. Но самое большое впечатление произвело на меня ее лицо. Выражение его было мягко и приветливо, но чем больше вглядывался я в него, тем таинственнее мне оно казалось. По временам по нему пробегала какая-то загадочная тень. Что это было – я не понял.

Лорд Рэгнолл, казавшийся еще более красивым в вечернем фраке, поспешил навстречу своей невесте и ее матери. Мое внимание на некоторое время было отвлечено соседями, как вдруг я услышал рядом голос:

– Покажите мне его. Впрочем, я уже узнала его по вашему описанию.

– Да, вы правы, – ответил лорд Рэгнолл своей невесте (это была она), – я сейчас познакомлю вас. Однако скажите, кого вы хотите иметь в качестве кавалера за обедом? Я не могу, так как должен быть возле вашей матери. Возьмите д-ра Джеффриса.

– Нет, – ответила мисс Холмс, – я предпочитаю м-ра Кватермэна. Мне хочется услышать от него что-нибудь об Африке.

– Хорошо, – сказал лорд Рэгнолл, – он, пожалуй, интереснее всех остальных гостей, взятых вместе. Но почему, Люна, вы постоянно думаете и говорите об Африке? Можно подумать, что вы собираетесь там жить.

– Это может когда-нибудь случиться, – задумчиво сказала она, – кто знает, где он жил и где будет жить!

И снова что-то таинственное мелькнуло в ее лице.

Конец их разговора я не слышал. Сказать правду, я не хотел сидеть рядом с мисс Холмс за обедом, так как не люблю быть на виду, поэтому я направился в противоположный конец гостиной. Но лорд Рэгнолл догнал меня и подвел к своей невесте.

– Позвольте вас познакомить с мисс Холмс, – сказал он, – она хочет быть вашей соседкой во время обеда. Ее очень интересует...

– Африка, – подсказал я.

– Мистер Кватермэн, о котором мне говорили как о величайшем охотнике Африки, – поправила меня мисс Холмс с очаровательной улыбкой.

Я поклонился, не зная, что сказать. Лорд Рэгнолл улыбнулся и удалился, оставив нас вдвоем. В это время лакей объявил, что обед подан. Мы направились в середине длинной процессии в роскошную столовую, еще сохранившую свой средневековый стиль.

М-р Сэвэдж проводил нас на наши места по левую руку от лорда Рэгнолла, сидевшего во главе длинного стола с леди Лонгдэн с правой стороны от себя. Старый священник д-р Джеффрис прочел короткую молитву, и обед начался.

– Я слышала, – обратилась ко мне мисс Холмс, – что вы сегодня победили сэра Юниуса Фортескью в стрельбе и пожертвовали кучу денег на благотворительность. Я не люблю пари и тех, кто их держит. Странно, что вы держали пари: вы совсем не похожи на таких людей. Но я не выношу сэра Юниуса, и в этом мы сходимся с вами.

– Я ничего не говорил о своей антипатии к сэру Юниусу, – возразил я.

– Да, но ваше лицо изменилось, когда упомянули его имя.

– Тогда мне придется сознаться, что вы правы. Но должен сказать, что я тоже не любитель пари.

Тут я рассказал всю историю с ван-Купом и его долгом.

– Я всегда считала его ужасным человеком, – заметила мисс Холмс, когда я закончил свой рассказ.

Потом наш разговор перешел на предстоящую свадьбу, и я не преминул выразить мисс Холмс свои наилучшие пожелания и уверенность, что ее счастье всегда будет так же безоблачно, как и сейчас.

– Благодарю вас, – сказала она, – но не кажется ли вам, что эта безоблачность – дурное предзнаменование. Ведь будущее так же скрыто от нас, как и мой портрет в рабочей комнате лорда Рэгнолла, в чем вы тоже видите дурное предзнаменование.

– Откуда вы это знаете? – спросил я, пораженный этим замечанием.

– Не знаю, м-р Кватермэн, но мне это известно. Ведь вы так думали, не правда ли?

– Если даже так, – сказал я, уклоняясь от прямого ответа, – то что из этого следует? Хотя портрет и скрыт от посторонних глаз, но всегда можно отдернуть занавеску...

– А вдруг однажды за этой занавеской окажется пустота?

Некоторое время мы молчали.

– Я не похожа на других... – снова начала мисс Холмс. – Что-то побуждает меня говорить с вами... Я никогда ни с кем не говорила так. Меня бы все равно не поняли. Моя мать, вероятно, нашла бы необходимым показать меня доктору. С самых ранних лет мне казалось, что я – какая-то тайна среди других тайн. С девяти лет это чувство приходило ко мне по ночам. У меня возникали какие-то видения, но они быстро изглаживались из памяти. Только две вещи я чувствую более или менее ясно. Одна – это какая-то странная, безотчетная тревога... Другая – то, что я, или часть меня имеет какое-то отношение к Африке, о которой я знаю только по книгам. Вот откуда у меня интерес к вам и Африке.

– Я думаю, что ваша матушка была бы права относительно доктора, – заметил я.

– Вы так говорите, но не верите в это, м-р Кватермэн.

Тогда я, чтобы придать другое направление этому, по меньшей мере, странному разговору, начал рассказывать об Африке и между прочим упомянул об одном легендарном племени арабов или полуарабов, якобы живущем в восточной части Центральной Африки и поклоняющемся вечно юному ребенку.

– Кстати, об арабах, – прервала меня мисс Холмс. – Я расскажу вам очень странную историю. Когда мне было 8 или 9 лет, я как-то играла в Кенсингтонском саду (мы тогда жили в Лондоне) под присмотром бонны. Она беседовала с каким-то молодым человеком, которого называла кузеном, а я катала обруч по траве. И вдруг из-за дерева вышли двое одетых в белые одеяния мужчин с тюрбанами на голове. У старшего были блестящие черные глаза, крючковатый нос и длинная седая борода. Лицо младшего я помню плохо. Кожа у них была смуглая, но во всяком случае это были не негры. Вдруг мой обруч упал у ног старшего мужчины; я остановилась, не зная, что делать. Старик наклонился, поднял обруч, но не вернул его мне. Он что-то сказал другому, указывая на родинку в виде полумесяца на моей шее (из-за этой родинки

отец назвал меня Люной). «Как твое имя, маленькая девочка?» – спросил старик на ломаном английском языке.

– Люна Холмс, – ответила я.

Тогда он достал из кармана ящичек и дал мне из него нечто вроде конфеты. Я очень любила сладости и положила это в рот. Потом старик покатил обруч и сказал мне: «Лови его». Я побежала за обручем, но вдруг все исчезло у меня из глаз, точно скрывшись в тумане. Я очнулась на руках бонны. Люди в белых одеяниях исчезли. Всю дорогу домой бонна бранила меня за то, что я взяла лакомство от незнакомых людей и грозила пожаловаться родителям. Я еле упростила ее молчать о случившемся. Вскоре она покинула нас и вышла замуж, по всей вероятности, за «кузена». Но после этого приключения я начала думать об Африке.

– Вы больше никогда не встречали этих людей?

– Никогда.

В это время я услышал сердитый голос леди Лонгдэн.

– Мне очень жаль, Люна, прерывать ваш интересный разговор, но мы все ожидаем тебя.

К своему великому ужасу я увидел, что все, кроме нас, уже встали из-за стола.

Я был очень смущен. Вспомнив, что ничего не ел, я потихоньку сел поближе к портвейну и, подкрепившись финиками, прошел за другими в гостиную, где уселся как можно дальше от мисс Холмс и занялся рассматриванием альбома с видами Иерусалима.

Вскоре ко мне подсел лорд Рэгнолл, который завел разговор об охоте на крупного зверя и между прочим спросил мой постоянный адрес в Африке. Я указал Дюрбан и в свою очередь поинтересовался, зачем ему мой адрес.

– Потому что мисс Холмс постоянно бредит Африкой, и я жду, что мне в один прекрасный день придется попасть туда, – печально ответил лорд Рэгнолл.

Это были пророческие слова. Наш разговор был прерван леди Лонгдэн, подошедшей пожелать аюкойной ночи своему будущему зятю, так как она чувствовала себя не совсем здоровой. Большинство гостей, несмотря на то, что было всего десять часов, собрались ехать домой.

IV. Харут и Марут

Проводив гостей, лорд Рэгнолл вернулся ко мне и спросил, что я предпочитаю: играть в карты или слушать музыку. Едва я ответил, что не выношу даже вида карт, как к нам подошел м-р Сэвэдж и почтительно осведомился у его светлости, кто из гостей носит имя «Хикомазани».

Лорд Рэгнолл удивленно посмотрел на него и спросил, не пьян ли он.

– Два каких-то иностранца в белых одеждах, – сказал обиженным тоном Сэвэдж, – стоят у замка и желают говорить с м-ром Хикомазани. Я им сказал, чтобы они уходили прочь, но они уселись на снег и объявили, что будут ждать Хикомазани.

– Позвольте, – вмешался я, – мое африканское прозвище «Макумацан». Быть может, м-р Сэвэдж неправильно произнес это имя. Могу ли я взглянуть на этих людей?

– На дворе очень холодно, м-р Кватермэн, – ответил лорд Рэгнолл, – но подождите. Сэвэдж, эти люди сказали вам, кто они такие?

– Должно быть, колдуны, ваша светлость. Когда я сказал, чтобы они уходили, я услышал в своем кармане шипение и, сунув туда руку, нашел там большую змею, которая исчезла, когда я бросил ее на землю. Потом у кухонной девушки из волос выскочила живая мышь. Девушка перед этим смеялась над их платьем, а теперь она в истерике.

В это время к нам подошла мисс Холмс и спросила, о чем мы так оживленно говорим. Узнав, в чем дело, она стала просить лорда Рэгнолла позвать этих людей в гостиную.

– Хорошо, – согласился лорд Рэгнолл, – позовите сюда ваших колдунов, Сэвэдж. Скажите им, что Макумацан ждет их и что все общество желает посмотреть их фокусы.

Сэвэдж вышел, точно осужденный на тяжкое наказание. По его бледности можно было заключить, что бедняга сильно перепуган.

Мы освободили место посреди комнаты и поставили вокруг кресла для зрителей.

– Без сомнения, это индийские фокусники, – заметил лорд Рэгнолл, – они вырастят манговое дерево на наших глазах. Я, помню, видел это в Кашмире.

В это время дверь широко распахнулась, и через нее поспешно прошел Сэвэдж, боязливо держать за свои карманы.

– М-р Хирут, м-р Мирут, – объявил он.

– Вероятно, Харут и Марут⁴, – заметил я, – я где-то читал, что это были величайшие маги. Очевидно, эти фокусники присвоили себе их имена.

Вслед за Сэвэджем в гостиную вошли два человека. Первый был высокого роста с важным лицом восточного типа, длинной белой бородой, крючковатым носом и блестящими ястребиными глазами. Второй – ростом пониже и значительно моложе первого. Он обладал веселым живым лицом, маленькими черными глазами. Кожа у обоих была не очень темная; мне приходилось встречать более смуглых итальянцев.

Во всем их облике чувствовалась какая-то особенная сила.

Я вспомнил историю, рассказанную мне мисс Холмс и украдкой взглянул на нее. Она была необыкновенно бледна и немного дрожала. Но никто не замечал этого: внимание всех было поглощено пришельцами. Через некоторое время мисс Холмс овладела собой и, встретившись со мной взглядом, приложила палец к губам в знак молчания.

Незнакомцы сняли свои меховые плащи, положили их на пол и остались в ослепительно белых одеяниях и с белыми тюрбанами на головах.

– Сомалийские арабы высшего класса, – подумал я.

⁴ Имена учителей чернокнижия, упоминаемых в Коране.

Один из них запер двери. После этого, к величайшему моему изумлению, оба направились прямо ко мне, поставили свои корзины на пол и, подняв руки кверху, низко поклонились. Потом заговорили не по-арабски, как я ожидал, а на диалекте банту⁵, которым я владел в совершенстве.

– Я, Харут, первый жрец и учитель белых людей кенда, приветствую тебя, о Макумацан! – сказал старший.

– Я, Марут, жрец и учитель белых кенда, приветствую тебя, о Бодрствующий в ночи! – сказал младший.

– Мы оба приветствуем тебя, который кажется малым, то велик, о господин с великим будущим! – вместе сказали они.

– О, убивающий злых людей и зверей! – монотонно продолжали они. – Ты, кому назначено судьбой освободить нашу землю от страшного бича, мы кланяемся тебе и обещаем безопасность среди нас и в пустыне. Мы обещаем тебе великую награду.

Они снова трижды поклонились мне и стали, скрестив руки.

Я спросил их на банту, чего им, собственно, нужно.

– О, Макумацан! – ответил старший. – Я пришел просить тебя оказать услугу нашему народу, – услугу, за которую ты получишь великую награду. Мы, белые кенда, народ Дитяти, воюем с черными кенда, нашими рабами, которые превосходят нас числом. Черные кенда чтут бога зла, дух которого живет в самом большом слоне в мире. Никто не может убить его, а он убивает многих и околдовывает еще больших. Пока жив этот слон, – имя его Джана, – ужас царит среди нас, народа Дитяти, ибо день за днем Джана истребляет нас. Если ты убьешь его, мы покажем тебе место, куда слоны уходят умирать; ты возьмешь себе сколько хочешь слоновой кости и будешь богат. Когда тебе будет нужно золото или слоновая кость, – которая то же, что и золото, – иди на север того озера, где живут понго, остановись у начала пустыни и назови имена Харута и Марута.

– И назови имена Харута и Марута, – эхом повторил младший.

Прежде чем я успел собраться с мыслями, чтобы ответить что-нибудь, загадочный Харут заговорил на ломаном английском языке как заурядный фокусник.

– Богатые леди и джентльмены ждут представления от бедного фокусника из Центральной Африки. Хорошо, я покажу им, что умею. Вы хотите, чтобы выросло дерево? Можно. Только помните, что здесь нет никакой магии; это простые фокусы. Дайте мне блюдо.

Представление началось. На покрытом покрывалом блюде чудесным образом выросло дерево, палки плясали сами собой, Марут свистнул, и из кармана Сэвэджа, стоявшего на значительном расстоянии от фокусников, снова выползла змея, которая потом обратилась в огонь. Зрелище было интересное, но, сказать правду, оно мало занимало меня – я видел много подобных фокусов. Я думал о словах Харута...

Наконец фокусники окончили представление и под аплодисменты присутствующих стали собирать свои пожитки.

– Наш господин Макумацан прав, считая все это пустяками, – заметил Харут, – простые фокусы, и только. Но что с этим джентльменом? – прибавил он, указывая на корчившегося в стороне Сэвэджа. – Брат Марут, посмотри, в чем дело.

Марут подошел к Сэвэджу и освободил его от двух змей. Затем среди всеобщего хохота вытащил из его напояженных волос большую дохлую крысу.

– А! – воскликнул Харут, – змеи любят этого джентльмена. Но все это пустяки. Быть может, Макумацан желает посмотреть что-нибудь поинтереснее? Слона Джану, которого он убьет?

– Охотно, – ответил я, – но как ты мне покажешь его?

⁵ Негритянское племя.

– Это очень легко, Макумацан. Надо вдохнуть немного курения кенда, и ты увидишь многое, если у тебя есть дар. Я уверен, что ты его имеешь, как и эта леди, – прибавил он, указывая на мисс Холмс.

– Дакка, – презрительно сказал я, вспомнив об одном сорте индийской конопли, которой одурманивают себя туземцы во многих частях Африки.

– О нет, это не дакка. Это табак, растущий только на земле кенда. Ты думаешь, это вздор. Погоди, ты увидишь, что это не так. Дайте мне спичку.

Он взял щепотку табаку, положил его в небольшой деревянный кубок, который вместе с табаком достал из корзины, и сказал что-то своему товарищу Маруту. Тот вынул тростниковую флейту и заиграл на ней какую-то заунывную мелодию. Харут в свою очередь запел тихим голосом песню, из которой я не понял ни слова, и зажег табак. Бледно-синеватый дымок поднялся из кубка, распространяя довольно приятный запах.

– Вдохни и расскажи нам, что увидишь, – сказал Харут. – Не бойся, это не опасно. Смотри!

Он сильно вдохнул в себя дым, после чего на его лице появилось особенное выражение.

Я стоял в нерешительности. Наконец любопытство и страх быть осмеянным за трусость одержали верх. Я взял кубок и поднес его к носу, в то время как Харут накинул мне на голову покрывало, из которого он обычно выращивал дерево манго.

Внезапно передо мной возникла пелена тумана. Потом туман рассеялся, и перед моими глазами открылся африканский пейзаж: озеро, окруженное густым лесом. По небу, еще красному от солнечного заката, плыла полная луна. На восточном берегу озера было открытое, лишенное всякой растительности пространство, сплошь покрытое скелетами слонов. Кругом торчали желтые клыки, многие покрылись уже мхом, пролежав здесь, вероятно, целые столетия.

Это было кладбище слонов, о существовании которого я слышал не раз – место, куда слоны приходят умирать, как это делала уже вымершая птица моя в Новой Зеландии. Вот появляется умирающий слон. Он останавливается, размахивая хоботом во все стороны. Потом медленно опускается на колени и замирает без движения. Вдруг на отдаленной скале появляются очертания огромного слона. В жизни я не видел такого гиганта. Он держит хоботом безжизненное тело женщины, волосы которой развеваются по ветру. В ее руках – ребенок, еще живой. Чудовище бросает тело на землю, хватая хоботом ребенка и, раскачав в воздухе, швыряет вверх. Покончив с ребенком, он направляется к умирающему слону и топчет его ногами. Затем подымает свой хобот, словно торжествуя трубя, и исчезает в лесу.

Снова пелена тумана скрыла все перед моими глазами, и я очнулся.

– Что вы видели? – спросил меня целый хор голосов.

Я рассказал обо всем, умолчав о последней части. Оказалось, что все мое видение длилось не более десяти секунд.

– Видел Джану? – спросил Харут. – Он убил женщину и ребенка, да? Это он делает каждую ночь. Вот почему белый народ кенда хочет убить его. Так Джана жив! Это нам и надо было узнать. Благодарю тебя, Макумацан! Теперь, быть может, прекрасная леди тоже желает посмотреть... – обратился он к мисс Холмс.

– Да, – ответила она.

– Я предпочел бы, Люна, чтобы вы не делали этого, – с беспокойством сказал лорд Рэгнолл.

– Вот спички, – сказала мисс Холмс Харуту, который взял их с поклоном. Затем, положив в кубок табак, Харут зажег его, осторожно покрыл голову мисс Холмс покрывалом и вручил ей дымящийся кубок. Через несколько секунд кубок и покрывало упали на пол, и мисс Холмс, широко раскрыв глаза, заговорила тихим голосом:

– Я прошла долгий путь и нахожусь в другом мире. Кругом темно. Мне светит огонь кубка. Здесь нет ничего, кроме статуи нагого ребенка, вырезанной из желтой слоновой кости, и кресла из черного дерева. Я стою перед ребенком из слоновой кости. Он оживает и улыбается мне. На его шее ожерелье из красных камней. Дитя снимает ожерелье и надевает мне на шею. Потом указывает на кресло. Я сажусь. Все исчезло.

Я слышал, как Харут, напряженно слушавший эти слова, тихо прошептал Маруту:

– Священное Дитя получает Хранителя. Дух белых кенда снова нашел голос.

Затем оба благоговейно склонились перед мисс Холмс.

– Что за странное видение, – сказал лорд Рэгнолл, – дитя из слоновой кости... ожерелье... Что за вздор! Но теперь, я полагаю, представление окончено. Сколько я вам должен за него?

– Ничего, о великий лорд, ничего. Это мы вам многим обязаны. Здесь мы узнали то, что хотели знать уже давно, ибо табак кенда говорит только новому духу. Прощай, великий лорд! Прощай, прекрасная леди! Прощай, Макумацан, до новой встречи, когда ты придешь убить Джану. Благословение Небесного Дитяти, посылающего дождь, защищающего от опасности, дающего здоровье и пищу! Благословение его на вас всех!

С этими словами Харут и Марут надели плащи и направились к двери. Я проводил их, так как Сэвэдж был сильно напуган змеями.

– Скажите, о люди из Африки, что все это значит? – спросил я, когда мы очутились во дворе.

– Ты сам себе ответишь на этот вопрос, когда будешь стоять перед Джаной, – сказал Харут. – А теперь не пытайся узнать больше. Ты, который в свой час узнаешь все.

– Не пытайся узнать больше, чтобы не было несчастья, – эхом повторил Марут, – ты, о Макумацан, который знает уже слишком много.

– Теперь вернись в дом, – продолжал Харут, – здесь страшный холод. Передай прекрасной леди этот свадебный дар Дитяти.

С этими словами он вручил мне сверток и исчез в темноте вместе со своим товарищем.

Я вернулся в гостиную.

– Они ушли, – сказал я лорду Рэгноллу, – и, уходя, передали свадебный подарок для мисс Холмс.

Кто-то подал ножницы, сверток был вскрыт, и в нем оказалось ожерелье из красных камней. Это было рубиновое ожерелье и, судя по работе, очень старинное. Быть может, оно украшало шею какой-нибудь знатной египтянки или статую дитяти Горуса, сына Изиды.

– Это то самое ожерелье, которое дитя из слоновой кости дало мне в видении, – спокойно сказала мисс Холмс, надевая подарок на шею.

V. Неудавшееся похищение

В эту ночь я не мог сомкнуть глаз. Может быть, от переутомления на охоте, или странных чувств, вызванных выступлением Харута и Марута.

Время шло; я лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к бою башенных часов Рэг-нолла (я ночевал в замке). Разные мысли приходили мне в голову.

То мне казалось, что Харут и Марут просто пара заурядных плутов-арабов, каких я много повидал в африканских портах. То я думал о кладбище слонов и об огромной стоимости слоновой кости.

Потом я подумал о древних египтянах (меня всегда интересовала их история), поклонявшихся дитяти Горуса, мать которого, Изиды, «владычица тайн», символизировалась луной на ущербе. И по странному совпадению у мисс Холмс на груди был знак, похожий на такую луну.

Вдруг меня охватил какой-то безотчетный страх – предчувствие, что с мисс Холмс непременно должно что-то случиться. Это чувство так овладело мной, что я встал, зажег свечу и поспешно оделся. У меня был всегда при себе заряженный двустольный пистолет. Я осмотрел это оружие, вышел в коридор и встал за большими часами, глядя на освещенную луной дверь комнаты мисс Холмс. Прошло некоторое время. Я уже начал думать, в каком глупом

положении рискую очутиться, если кто-нибудь случайно увидит меня. Вдруг дверь комнаты открылась, и на пороге показалась мисс Холмс, закутанная в пеньюар. Свет луны падал на ее лицо, и я понял, что она идет во сне.

На шее у нее было рубиновое ожерелье – подарок таинственной пары. Мисс Холмс как тень пересекла коридор и скрылась из виду. Я последовал за ней, стараясь как можно меньше шуметь. Мы спустились по витой лестнице и вышли в сад, где мисс Холмс, словно влекомая вперед какой-то таинственной силой, ускорила шаги и направилась к рожице, в которой я за день до этого стрелял голубей. Я следовал за ней под прикрытием кустарников. На миг я потерял ее из виду. Потом снова увидел уже под дубом: она стояла, протянув руки к медленно приближавшимся двум фигурам, закутанным в плащи. В этих фигурах легко можно было узнать Харута и Марута. В стороне виднелись очертания кареты, слышался нетерпеливый стук лошадиных копыт о мерзлую землю.

Я бросился вперед и встал между мисс Холмс и Харутом с Марутом.

Мы не обменялись ни словом, так как все трое боялись разбудить спящую девушку, зная, что ее пробуждение могло повлечь опасные последствия.

В руках моих противников блеснули кривые ножи.

Я направил пистолет в сердце Харута. Перевес был на моей стороне: я мог застрелить обоих прежде, чем их ножи достанут меня.

– Ты победил на этот раз, о Бодрствующий в ночи! – тихо сказал Харут. – В следующий раз ты проиграешь. Эта прекрасная леди принадлежит нам, белому народу кенда, ибо она отмечена знаком молодой луны. Ее сердце слышало призыв Небесного Дитяти. Она вернется к нему. Теперь, пока она спит, уведи ее отсюда, о храбрый и разумный, так точно прозванный Бодрствующим в ночи!

Они ушли. Вскоре послышался стук колес удалявшейся кареты.

В первый момент у меня появилась мысль бежать за ними и подстрелить одну из их лошадей. Но тогда оставался только один заряд против двоих людей и, убив одного из них, я был бы безоружным перед другим. Кроме того, выстрелы могли разбудить мисс Холмс. Пришлось отказаться от преследования.

Я подошел к спящей, осторожно взял ее за руку и повел обратно в замок. Проводив ее до комнаты, я запер за ней дверь и, прислушавшись, убедился, что она улеглась в постель.

Теперь, уверенный, что мисс Холмс в безопасности, я сел за стол, стоявший в коридоре, и стал обдумывать, что делать дальше. Мой долг был немедленно уведомить о случившемся лорда Рэгнолла.

Но как это сделать, не всполошив весь дом и не вызвав лишних разговоров? Сначала надо разбудить м-ра Сэвэджа, – подумал я. Я не знал, где его комната, но вспомнил, что, проводив меня спать и поговорив со мной о змеях, он на всякий случай указал звонок, проведенный к нему.

Следуя вдоль провода и пройдя целый ряд лестниц и различных переходов, я наконец добрался до двери его комнаты и постучал в нее.

– Кто там? – спросил м-р Сэвэдж с дрожью в голосе.

– Я.

– Кто это «я»? «Я» может быть Харум и Скарум, или того хуже!

– Я, Аллан Кватермэн, идиот вы этакий, – прошептал я в замочную скважину.

– Анна? Что за Анна? Уходите! Поговорим завтра.

Я постучал в дверь энергичнее. Наконец Сэвэдж осторожно приоткрыл ее.

– Господи! – воскликнул он. – Что вы делаете здесь, сэр, в такое время с пистолетом в руках? Или, может быть, это голова змеи? – вскричал он, испуганно отпрянув назад.

– У меня важное и неотложное дело к его светлости, – нетерпеливо сказал я, – поскорее проводите меня к нему.

Мы направились в спальню лорда Рэгнолла.

– В чем дело, м-р Кватермэн? – спросил тот, зевая и приподнимаясь в постели. – Вам приснился кошмар?

– Да, – ответил я, и когда Сэвэдж вышел, рассказал лорду Рэгноллу обо всем.

– Господи! – воскликнул он, когда я окончил рассказ. – Если бы не ваше предчувствие и не ваша храбрость...

– Дело не в этом, – прервал я его, – вопрос в том, что нам делать теперь. Попытаться задержать этих людей, или станем молчать обо всем и будем настороже?

– Не знаю, что и сказать, – ответил лорд Рэгнолл, – если мы их поймем, вся эта история будет как-то странно звучать на суде.

– Конечно, – согласился я, – но, по-моему, следует сейчас же осмотреть место происшествия, пока дождь или снег не уничтожил следы.

– Хорошо, – сказал лорд Рэгнолл, – мы возьмем с собой Сэвэджа. Это верный человек; он умеет молчать.

Пока лорд Рэгнолл поспешно одевался, я рассказал Сэвэджу о случившемся. Он слушал меня, затаив дыхание.

Убедившись, что мисс Холмс в своей комнате, мы спустились по витой лестнице и вышли в сад, тщательно запирая за собой все двери.

Уже рассветало. Мы без труда рассмотрели следы туфель мисс Холмс, моих ног, лошадиных копыт и колес кареты. Кроме того, мы нашли полотняный мешок, в котором оказалось арабское женское платье, предназначавшееся, очевидно, для мисс Холмс.

Когда Сэвэдж открывал мешок, к его великому ужасу оттуда выползла змея, вероятно, участница вчерашнего представления.

Описание всего этого, занесенное со всеми подробностями в памятную книгу лорда Рэгнолла, было подписано всеми нами.

В дальнейшем это дело было поручено опытным сыщикам, которым только удалось установить, что Харут и Марут с двумя женщинами своего племени, вероятно, взятыми для надзора за мисс Холмс, отплыли на пароходе «Антилопа» в Египет.

Но вернемся к мисс Холмс.

На следующее утро она вышла к завтраку как ни в чем не бывало, но была несколько бледнее обыкновенного.

За столом я сидел недалеко от нее и в удобную минуту осведомился, как она провела прошлую ночь. Она ответила, что спала как никогда крепко и что у нее были какие-то странные сновидения.

– Удивительно то, – прибавила она, – что утром мои туфли оказались в грязи, как будто я выходила из дому во сне, чего со мной никогда не бывало раньше.

С помощью лорда Рэгнолла я поспешно сменил тему разговора.

Вскоре после завтрака мне передали, что коляска мисс Маннерс ждет меня, и я собрался уезжать.

При прощании лорд Рэгнолл записал мой английский и африканский адреса в свою записную книжку.

– Несмотря на три дня нашего знакомства, м-р Кватермэн, – сказал он, – мне кажется, что я вас знаю уже много-много лет. Когда вы в следующий раз приедете в Англию, я надеюсь, что вы остановитесь у меня.

– А если вам случится быть в Южной Африке, – сказал я, – прошу вас располагать моим скромным домом в Дурбане как своим.

– Это очень любезно с вашей стороны, – ответил лорд. – Но, признаться, мне надоели путешествия. Кроме того, обстоятельства заставили меня по-особому относиться к Африке. Скажите, что вы думаете обо всем случившемся вчера?

– Право, не знаю, что вам ответить, – сказал я, – могу посоветовать одно: берегите вашу будущую жену. По всей вероятности, эти люди снова сделают попытку похитить ее. Это терпеливые, решительные люди.

– Вы меня немного пугаете, – сказал лорд Рэгнолл, – конечно, я приму к сведению ваш совет.

После этого мы расстались.

– Прощайте, м-р Кватермэн, – говорил Сэвэдж, подавая мне пальто, – я никогда не забуду вас. Но не забуду и этих бездельников Харума и Скарума с их проклятыми змеями!

VI. Золотопромышленная компания «Доброго доверия»

Прошло целых два года с тех пор, как я расстался с лордом Рэгноллом и мисс Холмс. За это время я дважды получал от них известия. Один раз пришло письмо от Скрупа, в котором тот сообщал мне об их бракосочетании. Это была самая заметная свадьба лондонского сезона. К письму была приложена вырезка из газеты с описанием всех подробностей, до платья невесты включительно.

Все это было чуждо мне, однако одно замечание вызвало у меня сильный интерес. Привожу его целиком:

«...Большие толки вызвало то обстоятельство, что на невесте не было никаких драгоценностей, кроме рубинового ожерелья с маленьким, тоже рубиновым, изображением египетского бога, хотя фамильные бриллианты Рэгноллов, уже давно не видевшие света, известны как одни из самых изящных и ценных в стране. Следует заметить, что это украшение было удивительно к лицу невесте. На вопрос одного из друзей о причине такого выбора, леди Рэгнолл ответила, что это ожерелье должно принести ей счастье...»

Второе известие я узнал год спустя из старого номера газеты «Таймс», где была заметка о рождении у лорда и леди Рэгнолл сына и наследника.

Что касается меня, то я много всего пережил за эти два года. Участвуя в экспедиции в Понголэнд, я не раз испытывал искушение отправиться на север этой области к Харуту и Маруту, обещавшим проводить меня туда, где живет гигантский слон, которого, по их словам, мне суждено было убить.

Однако я удержался и, вернувшись в Дюрбан, пришел к решению больше никогда не участвовать в рискованных экспедициях. Благодаря удачно сложившимся обстоятельствам, я сделался обладателем небольшого капитала, который дал мне возможность бросить охотничьи скитания в диких областях Африки. Вскоре мне представился случай поместить свой капитал в торговое предприятие.

Один еврей по имени Джэкоб предложил мне половину прав на владение золотой копью, открытой им на границе Земли зулусов, с условием, что я внесу капитал, необходимый для ее разработки. Вместе с Джэкобом и его приятелями я отправился осмотреть это место.

Взятый для испытания кварц показал богатое содержание золота и, в конце концов, образовалась акционерная компания для разработки золотого рудника «Доброго доверия» с Алланом Кватермэном, эсквайром, во главе.

Ох уж эта компания!

До сих пор я помню о ней. Наш основной капитал был невелик – 10.000 фунтов, из которых Джэкоб и его приятели взяли себе половину как покупную стоимость их прав. Впоследствии выяснилось, что эти права были приобретены всего за три дюжины бутылок джина, сломанную повозку, четыре старых коровы и пять фунтов деньгами.

Лично я, прежде чем стал председателем в правлении с жалованием сто фунтов в год (которого я никогда не получал), купил на тысячу фунтов Шер⁶ за наличные деньги.

Был установлен баланс в 4000 фунтов, и работа началась. Мы начали промывать один песчаный участок, и сразу это дало такой блестящий результат, что наши шеры поднялись на целых десять шиллингов. При чем Джэкоб и его приятели воспользовались случаем продать половину своих, уверив меня, что необходимо расширить дело. Через некоторое время песчаный участок оказался никуда негодным; было решено приобрести машину для дробления

⁶ Английские акции, номинальная стоимость которых – один фунт.

кварца, в котором предполагалось богатое содержание золота. Мы торговались с одной машиностроительной фирмой.

Тем временем наши шеры упали сперва до своей номинальной стоимости, потом до пятнадцати шиллингов, потом до десяти.

Джэкоб, один из директоров правления, сказал, что на мне, как на председателе, лежит ответственность за престиж нашей компании. Я снова накупил шер на свои последние пятьсот фунтов.

Но как была подорвана моя вера в людей, когда я узнал, что тысяча шер, купленных мною на последние пятьсот фунтов, были собственностью Джэкоба, продавшего их мне при посредничестве подставных лиц. Наконец наступил кризис. Прежде чем дробильную машину нам доставили, все наши фонды были исчерпаны, и встал вопрос о ликвидации компании. Созвали общее собрание акционеров, и после нескольких бессонных ночей я занял на нем свое председательское место.

Каково же было мое удивление, когда я увидел, что из пяти директоров, кроме меня, явился только один честный старик, отставной морской капитан, купивший триста шер.

Джэкоб и его два приятеля рано утром уплыли на пароходе в Капштадт.

Собрание вначале было довольно бурным.

Я как мог обрисовал положение дел и, когда закончил, со всех сторон посыпались вопросы, на которые ни я, ни кто-либо другой не мог дать удовлетворительного ответа.

Тогда один явно нетрезвый джентльмен, владелец десяти шер, напрямик объявил, что я обманул акционеров.

Я в ярости вскочил и, хотя он был вдвое выше меня, предложил ему поговорить со мной об этом наедине.

Он поспешно удалился.

После инцидента, закончившегося общим смехом, вся правда выплыла наружу.

Один «цветной» человек рассказал, что Джэкоб нанял его «посолить» почву – подсыпать золота в песок, который мы промывали вначале.

Все стало ясно.

Я без сил опустился в свое кресло.

Тогда один добросердечный человек, сам потерявший деньги в этом деле, поднялся и произнес короткую речь, которой было достаточно, чтобы восстановить утерянную мной веру в людей. Он говорил, что Аллан Кватермэн, работавший как лошадь для пользы акционеров, сам наравне с другими разорен этим вором Джэкобом, и в заключение предложил прокричать трижды «ура» в честь нашего честного друга и товарища по несчастью, Аллана Кватермэна. К моему удивлению все собрание исполнило это весьма охотно.

Я поднялся и со слезами на глазах поблагодарил всех, говоря, что рад оставить эту комнату таким же бедным, каким был всегда, но с незапятнанной репутацией честного человека. Пожав руку джентльмену, выручившему меня из неприятного положения, я с легким сердцем отправился домой. Правда, я потерял все свои деньги, но честь моя была спасена, а что такое деньги в сравнении с честью!

Я перебрался на другую сторону грязной улицы и пошел вдоль нее.

Улица была почти пуста.

Единственная пара привлекла мое внимание. В одном из них я узнал полупьяного субъекта, обвинявшего меня в обмане; в другом – морщинистом готтентоте, некоего Ханса.

Этот Ханс, должен сказать, был сначала слугой моего отца, миссионера в Капской колонии, а потом моим компаньоном во многих приключениях. Это был храбрый, испытанный человек, единственной слабостью которого оказалось пристрастие к алкоголю. Он питал ко мне самую горячую привязанность.

Сколотив немного денег, он приобрел небольшую ферму недалеко от Дюрбана, где и жил, пользуясь большим уважением за свои былые подвиги.

Белый и готтентот переругивались между собой по-голландски.

– Грязный готтентот, – кричал белый, – что ты пристал ко мне, как шакал?

– Сын белой жирной свиньи, – отвечал Ханс, – ты осмелился назвать бааса вором? Ты, не стоящий ногтя бааса, чья честь светлее солнца, чье сердце чище белого песка в море!

– Он присвоил себе мои деньги.

– А зачем, свинья, ты убежал от него, когда он хотел говорить с тобой?

– Я тебе покажу «убежал», желтая собака! – закричал белый, замахиваясь палкой.

– Ты хочешь драться? – спросил Ханс, с необыкновенным проворством отступив назад. – Так получай! – он низко наклонил голову и, как буйвол, бросившись вперед, ударил белого головой в живот так, что тот опрокинулся назад и полетел в канаву, полную грязной воды. После этого Ханс спокойно повернулся и исчез за углом.

К моему облегчению, через минуту белый вылез из канавы весь покрытый грязью и, держась за место, называемое на медицинском языке диафрагмой, медленно пошел вдоль улицы. «Какими преданными могут быть готтентоты, которых считают низшими существами человеческого рода», – подумал я.

Придя домой, я уселся в расшатанное тростниковое кресло на веранде, закурил трубку и задумался, что мне предпринять, имея всего на триста фунтов имущества и хороший запас оружия.

С коммерцией во всех ее видах я раз и навсегда покончил.

Оставалась только моя старая профессия охотника.

Слоны – вот единственно выгодная в смысле заработка дичь.

Но ближайшие места охоты уже давно опустошены. Кроме того, пришлось бы соперничать с молодыми профессионалами из буров.

Если уж решать заняться охотой на слонов, придется отправляться в отдаленные места. Размышляя о преимуществах и недостатках различных мест охоты, я услышал из-за большого куста гардении что-то вроде козлиного покашливания. Однако я знал, что эти звуки производит человек, так как не раз они служили мне сигналом в опасную минуту.

– Ханс, иди сюда, – позвал я, и вслед за этим из кустов алоэ показалась фигура старого готтентота. Я не понял, почему он выбрал такой способ визита, но это было вполне в духе его скрытности, унаследованной от предков. Он уселся на корточки передо мной, как коршун, поглядывая на спускавшееся к западу солнце.

– Ты так выглядишь, Ханс, – сказал я, – будто только что дрался. Шляпа у тебя измята, весь ты обрызган грязью.

– Баас прав, как всегда. Я поссорился с одним человеком из-за шести пенсов, которые он мне должен, и ударил его головой, позабыв снять сперва шляпу. Мне жаль, это хорошая шляпа. Она почти новая. Два года назад баас подарил мне ее, когда мы вернулись из Понголэнда.

– Зачем ты лжешь? – сказал я. – Ты дрался с белым человеком вовсе не из-за шести шиллингов. Ты столкнул его в канаву и забрызгался грязью.

– Это так. Я дрался с белым не из-за шести шиллингов. Я дрался с ним за преданность, которая стоит меньше, или ничего не стоит. Я пришел к баасу одолжить фунт. Белый человек пожалуется в суд. Меня заставят заплатить фунт или сидеть в сундуке 14 дней. Белый ударил меня первый, но судья не поверит бедному готтентоту, а у меня нет свидетелей. Скажут: Ханс был пьян, Ханс лжет. Плати, Ханс, плати фунт и десять шиллингов, или иди в сундук на 14 дней плести корзины для великой королевы. Баас! У меня есть деньги заплатить за правосудие, которое стоит десять шиллингов, а мне нужен еще фунт.

– Я думаю, Ханс, что скорее ты мне мог бы одолжить фунт, чем я тебе. Мой кошелек пуст.

– Это ничего, баас. Если необходимо, я могу 14 дней делать корзины и циновки для великой белой королевы. Пусть она вытирает о мои циновки ноги. Сундук вовсе неплохое место, баас.

– Зачем же тебе идти в тюрьму, когда ты богат и можешь заплатить штраф хоть в сотню фунтов?

– Месяц или два назад я был богат, баас, а теперь я беден. У меня ничего нет, кроме десяти шиллингов.

– Ханс, – строго сказал я, – ты опять пьянствовал и играл на деньги. Ты продал ферму и скот, чтобы заплатить проигрыш и купить джин?

– Да, баас. Только я не пил и не играл. Я продал землю и скот за шестьсот пятьдесят фунтов и купил другое.

– Что же ты купил? – поинтересовался я.

Ханс полез сначала в один карман, потом в другой и наконец извлек оттуда грязный измятый листок бумаги, похожий на банковский билет.

Я взял его в руки, взглянул и едва не лишился чувства. Этот листок удостоверял, что Ханс является владельцем шер компании «Доброго доверия» на сумму шестьсот пятьдесят фунтов, той самой компании, в которой я был злополучным председателем!

– Ханс, – слабым голосом сказал я, – у кого ты купил это?

– У бааса, у которого нос крючком. Его зовут Джэкоб⁷. Так же, как и того великого человека из Библии, который дал своему брату похлебку, когда тот вернулся с охоты и получил за это ферму и скот, а потом пошел на небо по лестнице. Так рассказывал нам ваш отец, баас.

– А кто тебе сказал купить их, Ханс?

– Самми, баас, тот Самми, который был вашим поваром, когда мы ходили в Понголэнд. Джэкоб жил в отеле Самми и сказал ему, что если он не купит этих бумаг, бааса посадят в сундук. Самми купил их несколько, но у него было мало денег. Джэкоб платил Самми мало денег. Джэкоб платил Самми за все, что ел и пил, этими бумагами. Самми пришел ко мне и напомнил, что покойный отец бааса оставил его на наше попечение. Я продал ферму и скот другу Джэкоба, очень дешево продал. Вот и вся история, баас.

Я слушал это, и, сказать правду, почти плакал, думая, какую жертву принес для меня этот старый готтентот по наущению мошенника.

– Ханс! – сказал я. – Когда ты поймал работорговцев в ими же расставленные ловушки, умирающий вождь зулусов назвал тебя Светом во мраке. Он верно назвал тебя, ибо ты, как свет, засиял в темноте моего сердца. Я считал себя мудрым, но оказался глупцом, и был, как ты и Самми, обманут обыкновенным мошенником. Но этот мошенник, показав, насколько низким может быть человек, заставил тебя показать, насколько может быть человек благородным. Свет во мраке! Ты дал мне больше, чем все золото в мире. Я постараюсь заплатить тебе за это своей вечной любовью!

Ханс взял мою протянутую руку и приложил ее к своему лбу.

– Не надо говорить так, баас. Это делает меня печальным, когда я так счастлив. Сколько раз баас не наказывал меня, когда я поступал нехорошо, когда я пил, и за другое? Баас не наказал меня даже тогда, когда я украл порох, чтобы продать его и купить себе джину. Правда, порох никуда не годился.

– Но почему ты теперь счастлив? – спросил я.

– О, баас! – ответил Ханс, и глаза его заблестели. – Разве баас не догадывается – почему? Теперь у бааса нет денег, и у меня нет. Ясно, что мы пойдем искать заработка. Я так рад, баас. Мне надоело сидеть на ферме и доить коров. Великий Небесный Отец знал, что делал, послав Джэкоба на наш путь!

⁷ Иаков.

– Ты прав, Ханс, – сказал я, – но куда мы пойдем? Нам нужны слоны.

Ханс назвал целый ряд различных мест и, окончив их перечень, сел на корточки передо мной и, пожевывая табак, вопросительно поглядывал на меня, склонив голову набок, как старая пытливая птица.

– Ханс, – спросил я, – ты помнишь историю, которую я рассказывал тебе год или более тому назад? Историю о народе кенда; в стране их, говорят, находится кладбище слонов, которые приходят туда умирать. Эта страна лежит где-то на северо-востоке от того озера, где живут понго. Ты говорил, что ничего не слышал о народе кенда?

– Нет, баас, я много слышал о них.

– Почему же ты раньше ничего не говорил мне?

– Зачем было говорить? Баас тогда искал золото, а не слоновую кость. Когда мы были в городе Беза, я разговаривал со всеми, с кем стоило поговорить. Там жила одна старая женщина. Муж и дети у нее умерли, и она была всегда одна; все боялись ее, потому что она была мудрая, умела гадать и знала лечебные травы. Я рассказывал ей о понго и об их боге-горилле. Она говорила, что это ничто по сравнению с другим богом, которого она видела, когда была очень молодой. Она говорила так: далеко на северо-востоке живет народ кенда, которым правит султан. Это великий народ, заселяющий плодородную землю. Вокруг их страны лежит пустыня, где никто не может жить. Никто ничего не знает о кенда. Кто перейдет через пустыню в их землю, тот никогда не возвратится, потому что его убьют. Она говорила мне, что происходит из этого народа, но убежала от них, когда султан хотел взять ее в свой гарем. Она счастливо перешла через пустыню и попала к мазиту, искавшим страусовых перьев. Она ничего не говорила им о своей земле, потому что боялась наказаний своего бога.

– А что она тебе говорила о народе кенда и их боге?

– Она говорила, что у кенда не один бог, а да, не один правитель, а два. Они имеют доброго бога-дитя, которое говорит устами женщины-оракула. Если женщина умирает, бог не говорит до тех пор, пока не найдет другую женщину, отмеченную знаком бога. Перед смертью женщина-оракул говорит, в какой стране живет та, которая заменит ее. Священники отправляются в ту страну на поиски. Иногда они долго не могут найти новую женщину; тогда дитя теряет язык и народ становится добычей другого бога, который никогда не умирает. Тот бог – большой злой слон, которому приносят в жертву людей. Султан и большая часть народа, все черные поклоняются тому слону. Имя его Джана. Много лет назад, когда мир был еще молодым, с севера туда пришел другой светлый народ, поклонявшийся дитяти, которого принес с собой. Этот народ поселился рядом с черным народом. Дитя – добрый бог, слон – злой. Дитя посылает дождь и хорошую погоду и исцеляет болезни. Джана посылает злые дары: войну и жестокость. Вот что рассказала мне старуха, баас.

– Почему же ты тогда ничего не сказал мне об этом?

– Потому что я боялся, что баас пойдет искать этот народ, а мне тогда надоело путешествовать и хотелось вернуться в Наталь на отдых. Кроме того, все мазиту говорили, что эта женщина большая лгунья.

– Она не лгала, – и я рассказал Хансу о Харуте и Маруте и их просьбе, о виденном мною кладбище слонов и Джане.

Ханс невозмутимо выслушал это: его трудно было чем-нибудь удивить.

– Да, баас. Старуха не была лгуньей. Когда же мы отправимся забрать эту слоновую кость и каким путем пойдем? Через Кильву или через Землю зулусов? Надо торопиться, пока не пошли дожди.

После этого мы долго беседовали. Карманы наши были пусты, и решить задачу, как пуститься в путешествие, было весьма трудно, если не вовсе невозможно.

VII. Рассказ лорда Рэгнолла

Эту ночь Ханс провел у меня, вернее, в моем саду, не решаясь идти в город. Он опасался ареста за драку с белым человеком. Однако тот не возбудил дела – был, по всей вероятности, накануне слишком пьян, чтобы вспомнить, кто его толкнул в канаву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.